

И УРАЛ МНЕ СТАЛ РОДНЫМ

Санково. 1943 г.
А.П. Мелихова

- Вот там, в Костроме, и отец мой работал, - продолжает Анастасия Петровна, - на фабрике той, посадчиком. Редкая эта была специальность, и не каждый смог бы таким ремеслом заниматься. Для этого особая сноровка и умение нужны. А знаете почему отхожий промысел в зимнее время был? Не знаете? То-то. Каждый год скотину резали по осени, а потом уже, в зимнее время, из кожи той скотины и выделывали разные вещи. Иначе эту фабрику еще сезонной называли. Так как работа была по сезонам.

- А Ваша семья имела свое хозяйство?
- Нет, мы, как и все, работали на колхозных полях, а тех, кто имел свое хозяйство, ну, там, к примеру, мельницу держал или кузницу свою, советская власть выселяла на Урал. Помню я, и как в колхозы людей загоняли. В прямом смысле этого слова. Ночи напролет представители новой власти сидели в избах и решали за всех, кто пойдет - кто не пойдет, и что с последними делать. Были у нас в деревне еще и кустари, и лавки они свои держали, овчинные, к примеру, или сапожные. Когда колхозы появились, то сапожную мастерскую государственной сделали, и все стало государственное. Вот так

Очень веселая, жизнерадостная, энергичная хозяйка дома сразу, с порога, начинает вводить меня в курс дела: рассказывает о своей семье и прежней жизни. Говорит она быстро, объясняет все очень хорошо и подробно, очень обстоятельно: так, что мне сразу становится понятно, что к чему.

Сейчас деревни Матвейцево Ярославской области Середского сельсовета, наверное, уже и не существует вовсе, а может, и осталось там несколько человек старожилов. А раньше, годах в 20-х прошлого века, все по-другому было: жизнь там кипела, трудились и стар и млад, как пчелы в улье. Летом все жители дружно, вместе с детьми работали на колхозных полях, а зимой бабы оставались дома за детьми приглядывать да домашним хозяйством заниматься, а мужики отправлялись на так называемый отхожий промысел, за 40 км от Матвейцево, в Кострому, где была в то время большая кожевенная фабрика. Об этом я прежде всего узнала от своей собеседницы - ветерана Великой Отечественной войны Анастасии Петровны Мелиховой, долгое время проработавшей на Богословском алюминиевом заводе.

и жили. А мама моя портняжила всю жизнь. Все у нас по женской линии - и ее мама, и мама ее мамы - были потомственными портнихами. Так что и мне швейные умения передались с генами, а теперь и дочь моя Ольга - рукодельница, отличные наряды шьет.
- Чем же Вы с семьей занимались в войну?

- Вечером, в 4 часа, 22 июня 1941 года нас собрал политрук и объявил о начале войны. Все бабы заревели и побежали по домам. Помню, что было мужчин тогда, с началом войны, забрали. И я пошла работать поначалу на заготовку леса. Лес в наших краях смешанный. Вот и приходилось распределять древесину по сортам: рудстойки длиной 2,5 метра применяли для шахт, и для них использовались ели большой толщины, еще был «ббаланс», который шел на приклады для ружей, остальной древесины материал, который мы же сами и валяли, шел на дрова и бревна.

А после, сразу в июле, всю нашу молодежь из трех близлежащих районов согнали на шоссе Ярославль-Кострома. Мы возили песок и таскали камни - это тяжелая работа, все ведь вручную. Старались при этом очень: знали, что наши солдаты будут переправляться на фронт и обратно по этой дороге.

Все советское хозяйство в тяжелые годы немецкой оккупации в связи с развернувшимися военными действиями требовало срочной перепланировки, модернизации. Исторические документы того времени рассказывают нам о множестве заводов, фабрик и других предприятий, которые с началом Отечественной войны были в срочном порядке переоборудованы для военных нужд. «Все для фронта! Все для Победы!» - этот призыв в годы войны стал лейтмотивом всех акций, организованных тружениками тыла. Он характеризовал всю волю, мужество, стойкость сплотившихся во имя единственной цели - Победы - советских людей. Так было повсюду.

Так было и в деревне Матвейцево. На колхозном поле - на том, что являлось кормильцем для всех жителей деревни и плюс еще скота - там собирали основные урожаи, срочно, по решению командования, решено было построить аэродром. Воспоминания об этом событии у Анастасии Петровны остались довольно противоречивые:

- Дело к осени: рожь была спелая, наливая - колосок к колоску, вот только бы успела дозреть. И все это мы нещадно выдергивали. Торопились - сдать объект надо было в срочном порядке. Убрали все подчистую. Потом с девушками долго ровняли площадку. Наконец закончили и ждем. Дождались. Помню, как самолет один прилетел, успешно произвел посадку на нашем поле. И все. И больше это никому было не нужно. Оказалось, что аэродром этот был запасной...

А сколько, думаю я, в такой вот горячке нашим командованием с началом войны было принято необдуманных скоропалительных решений, сколько было испорчено, поломано, поругано, нещадно истреблено и вырвано с корнем у наших людей. Вырвано из рук их, годовных и страждущих, последнее, чем могли они выжить в войну и прокормиться. Вырвано из душ, измозженных новыми порядками советской власти, страшными законами о «всеобщей коллективизации» и запуганных борьбой с «врагами народа».

Люди мучались, страдали, терпели, но, как ни странно, верили в ближайшую победу, верили в силы свои - и жили. Также страдала от всего этого и молоденькая Настя, но тем не менее верила и жала надеждой, что скоро, скоро все это закончится и наступят, как в сказке, счастливые времена. Тем временем шел еще год 1941-й.

- Осенью нас погнали в Рыбинск строить противотанковые рвы. Мы добирались на лошадах. Там, в Рыбинске, был авиационный завод. Знаете, уже тогда Рыбинск фашисты бомбили. Причина в том, что там был важно-го значения авиационный завод. В 41-м году уже и Даниловский район бомбили. От Ярос-

лаваля это - 70 км. Вот как враг далеко зашел, практически к Кирову. Картошку, помнится, копали мы, и тут неожиданно, откуда ни возьмись - самолет, и начинает бомбить. А войска наши уже в то время не везли по железной дороге. Потому что дорогу железную прежде всего и бомбили.

Следующим заданием от командования для молодежи Даниловского района, как вы понимаете, стал ремонт дорог. Военными командирами планировалось, что в 1942-м году по тем дорогам, что отремонтированы, пустить технику и наши войска на фронт, а затем и переправлять тем же путем солдат на отдых или раненых в госпитали.

В октябре 1942 года Анастасия получила, как и все в то время годные к службе солдаты, повестку.

- Папа мой родной повез меня и еще одну девочку за 30 км в ближайший военный комиссариат. Пока доехали на лошади, комиссар нас не дождался - сам уехал. Пришлось плыть обратно 30 км. А потом сидим мы как-то вечером во дворе, темно, и смотрим - огонек на опушке леса мелькает. «Это уж точно по мою душу идут», - говорю родным. И опять папа лошадь снарядил и повез меня к комиссару, у меня ведь к тому времени все готово было - и кружка, и лоска. А что еще надо мне? Так наскоро собралась и поехала.

Направили меня в зенитную артиллерию, на узловую станцию Санково. Это по железной дороге Москва-Ленинград.

И там самым страшным потрясением войны для нас стала картина снятия блокады Ленинграда была снята, увозили после нового года людей на поездах как раз по этой железной дороге. На станции нашей, всех, кто умирал, снимали с поезда. У нас даже был такой дядька, который принимал трупы на перроне, он складывал их в большой наспех сколоченный ящик. Привозил их на окраину, ближе к лесу, и сбрасывал в одну большую яму - братскую могилу. Потом спускался туда сам и расправлял тела умерших. А нам сверху, с вышек, всю эту его ужасную работу приходилось наблюдать.

Самое жуткое то, что никто и не знал имен тех людей, и никто не считал, сколько их, захороненных на той практически безымянной станции. Вот в чем ужас войны - неизвестность. Живы ли твои родные, близкие? Кто уцелел и уцелел ли вообще? И как их найти? Подобными вопросами в военные годы, да и спустя много лет после войны, мучаются многие семьи. И сейчас еще в телепередаче «Жди меня» с экранов звучат взволнованные страдальческие голоса: «Ищу родных, пропавших в годы Великой Отечественной войны». Страшное эхо войны в наши дни, спустя 60 лет, не дает покоя многим нашим соотечественникам.

Свидетелем множества страшных событий войны стала и моя героиня - Анастасия Петровна Мелихова. И сегодня ей так же, как и всем ветеранам войны, горько вспоминать о военном лихолетье. Однако она не утратила живость характера и былого оптимизма и сейчас говорит об этом так:

- Несмотря на все трудности, мы были сильны духом. Всегда в нас жила вера в Победу, в светлое будущее нашей страны. Мы так стремились к Победе, так радовались каждой малой победе наших войск на фронте, что и не передать словами! И сами старались: несли службу, отдавая все силы по имя Победы.

По прибытию в артиллерию, мы заменили парней. Я была прибористом зенитной артиллерии. Такая специальность - боль-

Июль 1952 года.

2-я смена участка декомпозиции глиноземного цеха. В 1 ряду: Э. Гроо, А. Устюжанинов, Пастухов, ?; во 2 ряду: А. Мелихова, жена Пастухова; в 3 ряду: И. Зосимова, З. Васильева, ?, А. Мурина, Н. Лунченкова (мастер), ?, А. Волкова.

шая редкость и в наши дни. Помню, что в годы войны наш командир отделения всегда так говорил: «Девки, запомните, ваша специальность - ценная!» И точно, все сбылось: уже когда и война закончилась, на каждую проверку в военкомат я ходила вместе со своим мужским коллективом, и нас проверяли, как и всех мужчин, потому что приборы в военное время незаменимы.

Так вот, меня сразу поставили прибористом, и уже по ходу действий всему училась. С помощью дальномера мы определяли марку и вид самолета, баллистический преобразователь служил для определения разных параметров: высоты, скорости, дальности полетов. Уже потом, спустя время, я с закрытыми глазами по звуку легко научилась определять самолеты и все их параметры: «Это летит мессер, это «Ягуар», а это «Хенкель». Так вот служили. Только заметим

самолет - сразу докладываем начальству: наш, не наш, и все остальное, как положено. В 1944 году нас перевели на самый главный объект железной дороги Москва-Ленинград - Мстинский мост, который враг постоянно бомбил. Здесь требовалось серьезное ежесекундное наблюдение. Орудия наши все время были наведены на мост, туда, где мог показаться в воздухе неприятель. ВНОС. Так нас тогда называли. Это расшифровывалось, как Воздушное Наблюдение, Оповещение и Связь.

Потом война закинула Анастасию чуть дальше, на один из складов, где работали не только военные, но и тыловики. Этот склад был опять же «особым» объектом, по периметру оцепленным тройной колючей проволокой. Там хранились боеприпасы: снаряды, бомбы - все необходимое для фронта.

- А как жили в войну, как был налажен ваш фронтный быт, как вели хозяйство. Ведь это так немаловажно для женщин?

- Жили всю войну в землянках. Поэтому с тех пор и до сегодняшнего дня моя любимая песня - «В землянке»: «Вьется в тесной пещурке огонь, на поленьях смола, как слеза, и поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза». Была у меня и любимая фронтная подружка, с которой мы потом и после войны встречались не раз. Это Лариса Федоровна Починина, она сейчас живет в Тольятти. А быт - обычный: все по-фронтному, по-походному. Но «первое» и «второе» у нас всегда было, хоть и от «левой кухни», зато с американской тушенкой. Где мы останавливались, там и дрова для себя всегда сами заготавливали. И растапливали печи в землянках.

- А про Победу в 45-м что помните?

- Нас тогда, в конце войны, направили служить в Новгородскую область, на охрану деревообрабатывающего завода. - продолжает А.П. Мелихова. - Я стояла на вышке, дежурила. Это был наблюдательный пункт. У нас в части были такие телефоны - покрутишь, и слышно, что там говорят. Я вот так и услышала о Победе. 8 мая объявили уже об окончании военных действий по этому телефону. А 9 мая я стою, дежурю на вышке, и слышу, говорят: «Победа!» Я кричу людям всем сверху: «Победа!». И целый день потом все «гудели»: были и песни, и пляски. Вот так для меня война и закончилась. Много родственников и знакомых ребят погибло, и отец мой умер в войну от скоротечного туберкулеза. К маме и своей семье и вернулась после войны.

- Работать на БАЗ Вы поехали сразу после войны?

- Сначала работала какое-то время

Отделение декомпозиции в командировке на УАЗе. 1951 год. Каменск-Уральский. 1 ряд: Пастухов, М. Рублева, И. Кныш, Ф. Мурзина, Т. Диева, Соловьев. 2 ряд: А. Банькова, И. Зосимова, А. Фролова, А. Устюжанинов, А. Климов, А. Мелихова, Г. Плетнева, А. Аристархова, В. Масалева, ? , В. Богомолова, ?, Л. Пальчикова.

в Ярославле. Тогда всю молодежь активно зазывали на комсомольские стройки. Вот и я поехала на одну такую стройку века - возводить Серовскую ГрЭС.

Обещали молодежи на символических стройках века тогда буквально «золотые горы». Мол, и условия труда, и организация этих строек, и жилищные проблемы будут решены окончательно и бесповоротно, и зарплата будет соответствующе высокой. При всем при том, ведь это было популярно очень, и дело было хорошее - потрудиться для Родины, поднять страну из руин. Молодежь на это шла охотно: вечеринки солдаты, защищавшие Родину, сегодня уже были на переднем крае строительства новой послевоенной строительной жизни - осваивались бескрайние просторы Родины, глухие таежные места. О романтике, присущей таким вот стройкам и служащей, как известно, одной из составляющих их, и говорить не приходится. Только вот оправдывались ли все ожидания нашей молодежи? Правдивы ли были обещания государственной власти о хороших заработках и условиях труда? Конечно же, нет. Так случилось и с нашей Анастасией Петровной. Все оказалось гораздо сложнее, чем в своих мечтах и разговорах представляли юные девушки из средней полосы России, приехавшие в далекий и суровый уральский край.

- Бетонировали мы все вручную, - вспоминает о строительстве ГрЭС А.П. Мелихова. - На носили клали песок и тащили, потом также щебень, а затем уж цемент. Все замешивали руками. Это так делали фундамент под водонапорную башню. А лето 50-го года как назло было холодное, дождливое. Без фуфайки невозможно было работать. А присядешь отдохнуть - тут же замрзнешь. Так проработали все лето в фуфайках. Хорошо хоть взяли из дома добрые резиновые сапоги. Они спасали от слякоти и грязи, в которой мы тоже были постоянно по уши. Я и сейчас все про строительство Серовской ГрЭС в подробностях Вам могу рассказать. Помню, как-то викторина на эту

тему была и вопросы задавали, так я в ней победила - все верно ответила. Так ведь это жизнь наша!

Как то поехали с подружками в соседний Краснотурьинск, там уже завод Богословский работал, и приглашали нас туда на работу. Так я и осталась там - устроилась на

декомпозицию аппаратчиком. И на этом заводе шла агитация, везде были расклеены листовки, в которых к нам обращались с призывом: «Пишите своим знакомым и друзьям, чтобы перебрались на наш завод - приезжали к своим подругам и друзьям». В 1950-м году меня в составе группы рабочих отправили на другой завод, в командировку. На УАЗе мы были продолжительное время на практике, и набирались там опыта работы. На одном из снимков как раз мы запечатлены в то время. В 1951 году нас распредели на работу, меня уже направили на постоянное местл - на участок декомпозиции глиноземного цеха.

- Ну и как же Вам в то время работалось?

- А работалось всегда хорошо. С добром и теплом вспоминаю все годы работы. Коллектив у нас был отличный. Помню всех ребят, работавших со мной до сих пор. Только вот жаль, что в живых сейчас почти никого уж из них не осталось. Работали мы по сменам. Наш участок в цехе был очень ответственным, от его работы, по большому счету, зависело выполнение плана всего цеха. Поэтому мы к работе подходили с большой серьезностью. Хорошо помню мастера своего Николая Григорьевича Морозова и технологов, работавших в то время. И помню, как они всегда удивлялись, насколько я точно могу рассказать, определить даже на слух все неисправности. Потому, наверное, и советовались со мной частенько. А как дружно мы жили в коллективе! Очень любили пешие прогулки в парк наш городской. Подруги сидели в лесу и обсуждали наши рабочие проблемы и просто любили отдыхать на воздухе. Такие вот фотографии запечатлели девчат и ребят из нашей смены на плотине, у водопада. Красивое это раньше было место. Летом мы любили приходить туда и смотреть, как вода с шумом катится вниз, а

кругом на полях росло много разных цветов. Жили весело и интересно. Любили петь и просто собираться у кого-нибудь дома, всегда вместе справляли праздники - и общие, и семейные даты. Вот так и ушла я на пенсию, проработав на одном любимом рабочем месте около 40 лет.

Муж А.П. Мелиховой Иван Иванович работал в УЦМР. Сегодня продолжает трудовую династию Мелиховых на заводе дочка Анастасии Петровны - Ольга Ивановна. Сразу после учебы она пришла работать в машиностроительную, и по сей день работает там, сейчас уже в качестве заместителя начальника.

- Вот так я и работала. И сейчас вспоминаю с теплом фронтных товарищей, время работы на Богословском алюминиевом заводе. И Урал мне стал родным. Люблю нашу природу. А с дочерью своей мы как одно целое. И внучка у меня есть. Так живем, - говорит мне Анастасия Петровна, как бы подводя итог нашей встречи.

И я знаю, что это лучшее, что может сказать уважаемый труженник завода, прекрасная мать и бабушка и отважный воин, защищавший Родину в годы войны, о своей сегодняшней жизни.

А.П. Мелихова.
9 мая 1979 года.

Песня не прощается с тобой...

Сегодня в традиционной рубрике мы публикуем для вас, уважаемые ветераны, фронтную песню

В ЗЕМЛЯНКЕ

Слова А. Суркова
Музыка К. Листова

Вьется в тесной пещурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти - четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

О. МИНОЧКИНА

2 смена участка декомпозиции глиноземного цеха БАЗа на плотине